

УДК 930 (091)

М.Г. Степанов

**УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ГРАЖДАН СССР
ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ МОТИВАМ
В ПРЕДВОЕННЫЙ И ВОЕННЫЙ ПЕРИОДЫ (1939–1945 гг.):
ОБЗОР ПОСТСОВЕТСКОЙ СИБИРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Дается обзор постсоветской историографии, посвященной проблеме уголовного преследования граждан СССР по политическим мотивам в предвоенный и военный периоды (1939–1945 гг.). Проанализированы основные теоретические проблемы политических репрессий в СССР 1939–1945 гг., к которым обращались современные сибирские историки.

Ключевые слова: сталинизм, политические репрессии, террор, историография.

Проблематика сталинских политических репрессий в СССР в настоящее время не является «белым пятном» в новейшей историографии. До сих пор в современной исторической науке отсутствуют однозначные оценки данного процесса, вследствие чего тема политических репрессий носит и по настоящее время актуальный характер. Интенсивное исследование сталинских политических репрессий началось со второй половины 1980-х гг. в связи с реализацией принципа «перестройки» – политики гласности. Фактически государство лишь 23 июня 1992 г. санкционировало доступ исследователей к ранее недоступным архивным фондам в связи с публикацией Указа Президента РФ «О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека» [1. С. 5–6].

Отдельной темой в отечественной историографии стоит проблема уголовного преследования граждан СССР по политическим мотивам в предвоенный и военный периоды (1939–1945 гг.). Задача, поставленная автором в данной статье, имеет три аспекта: 1) определить теоретическое пространство взаимодействий дефиниций «репрессии», «политические репрессии», «репрессивная политика», рассмотреть функции политических репрессий; 2) установить состояние научной разработки и степень изученности в постсоветской сибирской исторической науке проблемы политических репрессий на основании ст. 58 УК РСФСР и Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. в предвоенный период (1939 – июнь 1941 г.); 3) проанализировать особенности уголовного преследования граждан СССР по политическим мотивам в военный период (1941–1945 гг.) в новейшей сибирской историографии. Под репрессиями в широком смысле понимается наказание, карательная мера, применяемая государственными органами. В отличие от государственного терроризма репрессии носят в большей степени инструментальный, чем демонстративный характер. С точки зрения направленности репрессии всегда консервативны, т.е. нацелены на защиту и сохранение существующего строя [2. С. 54–55]. Любые репрессии являются проявлением политического насилия. В типологии политического насилия у

Ю. Гальтунга само насилие разделяется на два больших типа: прямое и структурное. Прямое насилие имеет не только точный адресат, но и ясно определяемый источник насилия. Структурное же насилие как бы встроено в социальную систему: «...Людей не просто убивают с помощью прямого насилия, но также их убивает социальный строй» [2. С. 31].

В современном российском законодательстве под «политическими репрессиями» признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку и на спецпоселение, привлечение к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшиеся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами [3]. «Репрессивная политика» в данной публикации рассматривается как элемент политического действия, как вспомогательный способ побуждения общества к определенному унифицированному поведению. Политические репрессии проявляются в многообразных формах и методах преследования общественных элементов – аресты и осуждения по «контрреволюционным преступлениям», насильственное принуждение граждан со стороны властей к выполнению определенной профессиональной деятельности как в системе сельского хозяйства, так и в промышленности.

Политические репрессии имеют своей целью: а) достичь полной идентификации (слияния) индивида с политическим режимом и как результат – массовая поддержка режима со стороны подвластных; б) гарантировать успех массовой индоктринации населения (внедрения определенной доктрины в сознание индивидов); в) создать новые стимулы к труду (не личный интерес, а общий) и бесплатный трудовой ресурс в лице заключенных; г) обеспечить индивидуальное подключение личности к власти в результате дробления, атомизации общества, поскольку репрессии разрывают все связи: семейные, профессиональные, национальные и др. [4. С. 40].

«Большой террор» 1937–1938 гг. в СССР, с его массовыми карательными акциями, был свернут высшими органами власти так же неожиданно, как и начат. Его основные цели считались достигнутыми. Лица, которые относились к потенциально опасным элементам советского народа, были уничтожены. Исчезли целые группы населения, не внушавшие доверия сталинскому режиму, ликвидирован большой слой управленцев, специалистов и работников партийно-государственного аппарата.

Решающее влияние на ограничение репрессий в СССР оказало закрытое постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах и прокурорском надзоре и ведении следствия». В постановлении было предписано: «1) Запретить органам НКВД и прокуратуры производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению. 2) Ликвидировать судебные трой-

ки... 4) Обязать органы прокуратуры в точности соблюдать требования Уголовно-процессуальных кодексов по осуществлению прокурорского надзора за следствием, производимым органами НКВД...» [5. С. 307–308].

Появление данного постановления являлось характерным признаком заметного ослабления политических репрессий в СССР, но не их прекращения. Власть в очередной раз попыталась «пойти на заигрывание» с обществом, заявляя, что будут наказаны те, кто не руководствовался принципами «революционной законности». Следует обратить внимание на то, что все эти предписания сверху действовали недолго. После назначения в 1938 г. на пост наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии, хотя и в меньших масштабах, возобновились групповые аресты, в том числе и без санкции прокурора, широкое использование внесудебных репрессий, нарушения Уголовно-процессуального кодекса, включая применение физического насилия. Так, по данным Г.М. Ивановой, после террора 1937–1938 гг. количество смертных казней в СССР резко уменьшилось. Основным видом наказания стало заключение в ИТЛ на 10 лет [6. С. 46].

Анализируя особенности арестов жителей Сибири, обвиненных в совершении «контрреволюционных преступлений», С.А. Папков на примере Красноярского края показал: «В Красноярском крае за 1940 год осудили 260 человек, «занимающихся контрреволюционной деятельностью», в основном «агитацией и пропагандой, направленной на подрыв советского строя» (168 человек). «Агитация и пропаганда» выражались в «клевете на материальное положение трудящихся в СССР», «дискредитации вождей ВКП(б)», «распространении религиозных взглядов», «восхвалении врагов народа» [7. С. 239–240]. Вместе с тем, по мнению С.А. Папкина, вышеприведенная статистика свидетельствует о том, что остается неизвестным число арестов и казней, произведенных управлением НКВД Красноярска, так как есть данные только по уголовным делам, которые проходили через краевой суд [7. С. 240]. В целом, характеризуя политические репрессии предвоенного периода (1939 – июнь 1941 г.) как в Сибири, так и в целом в СССР, С.А. Папков писал: «Террор менял свои формы. Один за другим сменялись и его исполнители. Но неизблемым оставалась власть НКВД. Постоянная угроза и страх, распространяемые повсюду этим ведомством, неограниченные возможности уничтожения кого бы то ни было превращали в фикцию любые попытки установить даже самый осторожный контроль за судьбой граждан, попадавших в сети НКВД» [7. С. 240].

М.Г. Степанов, исследуя процесс преследования граждан по «контрреволюционным преступлениям» в Хакасской автономной области предвоенного периода, выявил ряд специфических особенностей данного процесса. Суть их заключалась в следующем: «... по «контрреволюционным преступлениям» были осуждены группы граждан, которые обвинялись: 1) во вредительстве; 2) шпионаже и 3) систематическом проведении контрреволюционной пропаганды и агитации. Обвинение этих групп граждан строилось без надежной доказательной базы, единственным подтверждением совершения преступления перед государством были свидетельские показания и самопризнание самого арестованного. Кроме того, под карательный механизм в

1939 – первой половине 1941 г. попали местные религиозные организации. Вторичному преследованию и арестам после «большого террора» были подвергнуты члены абаканской секты баптистов, якобы проводившие «контрреволюционную агитацию и пропаганду» [8. С. 49–50].

В 1940 г. определенные изменения коснулись также самого характера репрессий. Государством периодически расширялось понятие политического преступления, включавшее в него правонарушения, которые обычно понимались как неполитические. В 1940 г. оно впервые в законодательном порядке закрепило необычайно суровые наказания за обычные преступления. Эти изменения были связаны с положением в экономической сфере. Внешнеполитические неудачи СССР, особенно Советско-финская война 1939–1940 гг., выявили значительные слабости хозяйственной системы. Проблемы заключались в низкой эффективности труда на государственных предприятиях, в колхозах и совхозах, в хроническом дефиците многих товаров, низком качестве выпускаемой продукции. В условиях надвигавшегося вооруженного конфликта с нацистской Германией, экономические трудности в СССР приобретали особую остроту. В результате летом 1940 г. произошло ужесточение производственного законодательства.

26 июня 1940 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Вследствие этого указа рабочее время каждого трудящегося увеличивалось в среднем на 33 часа в месяц. Самовольный уход с предприятия карался тюремным заключением на срок от двух до четырех месяцев, прогул без уважительной причины – осуждением к исправительно-трудовым работам (ИТР) по месту работы на срок от шести месяцев с удержанием до 25% заработной платы. 10 июля этого же года вышел другой Указ Президиума Верховного Совета СССР, который приравнивал к вредительству со всеми вытекающими отсюда последствиями выпуск недоброкачественной и неукomплектованной продукции, несоблюдение обязательных стандартов [9. С. 281–286].

На примере сибирского региона С.А. Папков рассмотрел реализацию данного указа. В частности, автор отметил: «Таких масштабов использования судебной машины против граждан история Сибири до сих пор не знала. По некоторым сведениям, в ряде городов Кузбасса в 1940 г., вследствие массового притока осужденных за прогулы и уход с работы, камеры временного заключения оказались переполненными» [7. С. 244]. Судебные процессы над нарушителями трудовой дисциплины как разновидность репрессий на материалах Хакасской автономной области также были рассмотрены в монографии М.Г. Степановым [8. С. 48–49].

Начало Великой Отечественной войны внесло ряд существенных корректив во внутривнутриполитический курс СССР, в том числе и в реализацию репрессивной политики. Природа сталинского режима и всей тоталитарной политической системы в стране в целом в период войны принципиально не изменилась. Однако необходимо отметить те изменения в структуре карательной системы, которые определяли направленность и особенности поли-

тических репрессий в СССР. 22 июня 1941 г. вышла Директива Народного комиссара внутренних дел СССР и Прокурора СССР, в которой говорилось о прекращении освобождения из лагерей, тюрем и колоний «контрреволюционеров и других опасных преступников» [1. С. 158]. Данная директива свидетельствовала о начале консервации дел, целью которой являлось дальнейшее ужесточение карательных мер в реализации всей репрессивной политики. В новой социально-политической обстановке, возникшей в связи с началом войны, режим считал необходимым воздействовать на недостаточно лояльные элементы советского общества посредством двух основных судебно-правовых инструментов: ужесточением мер уголовного преследования и ускоренным порядком их реализации.

По данным С.А. Папкина, причинами арестов по политическим преступлениям служили следующие обвинения: «антисоветская агитация», «измена Родине», «саботаж», «повстанчество и участие в контрреволюционных группах», «террор и террористические намерения», «вредительство», «дезертирство и воинские преступления», «предательство и пособничество немецким оккупантам», «распространение антисоветских листовок и анонимок» [10. С. 215]. В частности, автор привел следующие данные: «Абсолютное большинство, 56% обвинений и арестов по Уралу и Сибири, производилось по признакам «антисоветской агитации». Значительно меньшую долю занимали аресты за «измену Родине» – 9,7%, «саботаж» – 3,9%. По Сибирскому региону общая статистика арестов за 1941–1945 гг. выглядит следующим образом: Омская область – 4360 человек, Новосибирская область – 5897, Кемеровская область – 1534, Томская область – 121, Тюменская область – 63, Алтайский край – 6816, Красноярский край – 2170. Всего – 20961» [10. С. 216].

К одной из заслуг С.А. Папкина следует отнести постановку проблемы о «сезонном» применении репрессий в сельском хозяйстве весной и осенью в зависимости от посевных и уборочных сельхозкампаний [10. С. 218]. Делая вывод по проблеме выяснения роли правосудия в процессе реализации репрессивной политики в годы Великой Отечественной войны, С.А. Папков пишет: «Преследования за «контрреволюцию» были рассчитаны на преодоление острых хозяйственных проблем в тылу и выполнение срочных военных заказов, а меры наказания в отношении «вредителей», «саботажников» и «дезертиров трудового фронта» выступали как важнейший инструмент «мобилизующего права», – права с выраженными военно-политическими целями, но без строго очерченных юридических границ» [10. С. 221]. Что касается статистики, то С.А. Папков в анализе репрессированных лиц в период войны опирается на данные А.И. Вольхина, которые он считает наиболее полными [10. С. 214].

В другой статье С.А. Папков обратился к проблеме выяснения роли правосудия в процессе реализации репрессивной политики в годы Великой Отечественной войны, отметив при этом, что наиболее характерной особенностью развития советского правосудия в военный период явился пересмотр списка тех нарушений, за которые устанавливалась уголовная ответственность и, как следствие, – неизбежное возрастание роли уголовного преследования [11. С. 235]. Исследователь сфокусировал свое внимание на факте

усиления карательного законодательства в связи с введением в судебную практику второй части ст. 58–10 УК РСФСР, предусмотренную исключительно для «военной обстановки» и ориентированную на применение высшей меры наказания – расстрела. Автор публикации свидетельствует, что на ее долю приходилось до 45–50% всех судебных приговоров по делам о «контрреволюционных преступлениях» [11. С. 238].

Архивные материалы, в которых отражена деятельность всей советской юридической системы, позволили С.А. Папкову утверждать: «Основную репрессивную роль исполнили специальные суды – военные и транспортные трибуналы, трибуналы войск НКВД и лагерные суды. На их долю по СССР приходилось почти 80% всех судебных приговоров по «контрреволюции» военного времени. Особые суды, как показывает статистика, наиболее интенсивно использовались в начале и в конце войны – в 1942 и 1945 гг., а в период наивысшего военно-политического кризиса, когда руководству страны приходилось вести отчаянную борьбу с развалом фронта и отступлением армии (с лета 1941–1942); и в период «пленения военнопленных» – массовой фильтрации советских солдат, освобожденных из немецкого плена в 1945 г., а также гражданских лиц, вывезенных из страны оккупантами» [11. С. 241].

В.А. Гашенко в своей статье обратился к проблеме роли органов государственной безопасности Западной Сибири в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) [12. С. 229–230]. Автор резюмирует, что «антисоветские настроения» на почве резкого падения жизненного уровня в годы войны, исключительного физического и психологического напряжения и истощения, усталости от некомпетентных решений, злоупотреблений власти были характерны для большинства социальных слоев советского общества, о чем в регулярных обзорах о политических настроениях в обществе докладывали руководству обкомов и крайкомов ВКП(б), органов государственной безопасности страны секретно-политические отделы УНКВД [12. С. 230]. Высокий процент арестов за антисоветскую агитацию В.А. Гашенко объясняет не только необходимостью сорвать внешнюю угрозу создания немецкой разведкой «пятой колонны» в глубоком советском тылу, но и неуверенностью сталинской номенклатуры в морально-политическом единстве советского народа [12. С. 231]. Более радикальный взгляд на проблему деятельности органов государственной безопасности нашел отражение в публикации А.Г. Теплякова, склонного характеризовать органы НКВД-НКГБ как фактически пятую колонну, которая, благодаря примату ведомственных интересов, действовала скорее на руку противника, нежели СССР [13. С. 287–288].

Последствия уголовного преследования военнослужащих по политическим мотивам в годы Великой Отечественной войны были изучены Ф.Н. Подустовым на примере Томского артиллерийского училища: «Аресты многих командиров и политработников, преподавателей артучилища имели тяжелые моральные последствия: подрывалось доверие к ним курсантов, красноармейцев, сами командиры стали бояться проявлять инициативу, принимать самостоятельные решения. Среди командиров, политработников стали наблюдаться инертность, безынициативность, пассивное ожидание указаний

«сверху», что особенно тяжело сказалось в первые недели и месяцы войны» [14. С. 111].

М.Г. Степанов, исследуя процесс репрессивной политики в Хакасской автономной области в военный период (1941–1945 гг.), обратил внимание на то, что «активизация или спад в репрессивной деятельности карательных органов в Хакасии находились в зависимости от так называемого фронтового, или военного, фактора, то есть положения дел советских войск на фронте» [8. С. 121]. По данным автора, с 1943 г. наблюдается значительный спад в масштабах политических репрессий в Хакасской автономной области. Одновременно происходит смягчение тяжести мер наказания за «контрреволюционные преступления», связанное с огромными людскими потерями на войне, и как следствие – с нехваткой трудовых ресурсов в тылу, которыми потенциально становились лица из числа репрессированных граждан, пополняя многомиллионную трудовую армию заключенных системы ГУЛАГа» [8. С. 122].

Подводя итог обзору постсоветской сибирской историографии, посвященной проблеме уголовного преследования граждан СССР по политическим мотивам в предвоенный и военный периоды (1939–1945 гг.), следует сделать ряд выводов. Во-первых, необходимо констатировать, что исследование проблемы уголовного преследования советских граждан по политическим мотивам в предвоенный период (1939 – июнь 1941 г.) в публикациях сибирских историков распадается на два аспекта: анализ масштабов и последствий применения статьи 58 «Контрреволюционные преступления» УК РСФСР и арестов граждан, обвиненных в нарушении трудовой дисциплины. Во-вторых, тема уголовного преследования во время Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) получила более широкое освещение в сравнении с предвоенным периодом, причем исследователями был отмечен факт активизации репрессивной деятельности государства в связи с началом войны. Вместе с тем ни в одной из публикаций, посвященных уголовному преследованию советских граждан по политическим мотивам в военный период (1941–1945 гг.), не рассмотрена проблема функционирования лагерной юстиции. В современной российской историографии пока лишь Г.М. Ивановой была рассмотрена судебная и карательная практика специальных лагерных судов [15. С. 287–289]. И, в-третьих, исследователи, обращающиеся к рассматриваемой нами проблеме, ввели в научный оборот широкий комплекс архивных материалов, ранее недоступных. Однако следует констатировать, что Указ Президента РФ «О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека» от 23 июня 1992 г. не во всех регионах России был реализован до конца на практике (например, в деле передачи тех же архивно-следственных дел репрессированных граждан на хранение из ведомственных архивов бывших репрессивных органов в фонды государственных архивохранилищ). Поэтому можно с уверенностью утверждать, что проблематика уголовного преследования граждан СССР по политическим мотивам в предвоенный и военный периоды (1939–1945 гг.) и на настоящий момент отчасти носит «табуированный» характер, так как единственно ком-

плексным и достоверным источником исторической информации являются документы, помещенные в сборнике «История сталинского ГУлага», опубликованном в 2004 г. [16].

Литература

1. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993.
2. Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Насилие: социо-политический анализ. М., 2000.
3. Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1428.
4. Москвина Р.Т. Функции репрессий в тоталитарном политическом режиме // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы). Нижний Тагил, 1997.
5. История сталинского ГУлага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Т. 1: Массовые репрессии в СССР. М., 2004.
6. Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997.
7. Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск, 1997.
8. Степанов М.Г. Сталинские репрессии в Хакасии в конце 1930-х – начале 1950-х гг. Абакан, 2006.
9. Уголовный кодекс РСФСР. Комментарии. М., 1946.
10. Папков С.А. «Контрреволюционная преступность» и особенность ее подавления в годы Великой Отечественной войны // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск, 2002.
11. Папков С.А. Правосудие – как инструмент репрессий в СССР в годы Великой Отечественной войны // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Новосибирск, 2004.
12. Гашенко В.А. Органы государственной безопасности Западной Сибири в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Новосибирск, 2004.
13. Тепляков А.Г. Управление НКВД по Новосибирской области накануне и в начальный период Великой Отечественной войны // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Новосибирск, 2004.
14. Подустов Ф.Н. Репрессии в Томском артиллерийском училище накануне и в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки. История. (Спецвыпуск). 2000. № 4.
15. Иванова Г.М. Лагерная юстиция в СССР. 1944–1954 // Труды Института российской истории. М., 2004. Вып. 4.
16. История сталинского ГУлага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов: В 7 т. М., 2004.